

ТЮРЕМНАЯ РУКОПИСЬ ДЕБОРИНЦА Э.Ф. ЛЕПИНЯ О НАТУРФИЛОСОФИИ

С.Н. Корсаков

Институт философии РАН, г. Москва
e-mail: snkorsakov@yandex.ru

Публикуется уникальная архивная находка – рукопись расстрелянного в 1937 году советского философа Эдуарда Фрицевича Лепиня, обнаруженная в документах Управления Федеральной службы безопасности по Магаданской области его внучкой Мариной Леонардовной. Э.Ф. Лепинь принадлежал к философской школе академика Деборина. В рукописи говорится о современном подходе к проблеме натурфилософии. Проводится мысль о необходимости сознательной диалектизации естествознания и преобразования на этой основе всей системы наук. Подчеркивается роль философии как теории научного мышления.

Ключевые слова: советская философия, деборинская школа, сталинские репрессии, Э.Ф. Лепинь, Э.В. Ильенков.

В 2019 г. я опубликовал статью о репрессированном в 1930-е гг. философе Эдуарде Фрицевиче Лепине [5]. Лепинь был в 1935 г. отправлен в колымский лагерь. Здесь в 1937 г. он был повторно арестован за то, что организовал среди заключенных кружок и читал им лекции по философии. Он был расстрелян вместе со своими слушателями.

Лепинь принадлежал к философской школе академика А.М. Деборина и занимался философскими проблемами физики. В статье я сделал вывод, что Лепинь опередил свое время на несколько десятилетий. В своих статьях он давал философское осмысление вероятностного подхода и сбалансированную трактовку соотношения динамических и статистических закономерностей. Иными словами, он уверенно решал те проблемы, которые стали предметом дискуссий в советской философии науки только в 1970-х гг.

В отношении других философов 1920–1930-х гг., о которых я писал, мне удалось разыскать родственников; в данном же случае, когда я готовил статью, я располагал только архивными материалами. Но случился удивительный пример эффективности философской публикации. На статью в августе 2021 г. откликнулась внучка

Э.Ф. Лепиня Марина Леонардовна Лепинь. Она сообщила, что Э.Ф. Лепинь был женат на Ольге Владимировне Балыковой 1889 г.р., уроженке Ярославской губернии. У них было двое детей: Леонард Эдуардович (1926–2014) и Эдуард Эдуардович (1928 г.р.). Оба они рано лишились отца, но несмотря на многочисленные препятствия, связанные со статусом «сын врага народа», получили образование и стали уважаемыми людьми. М.Л. Лепинь написала, что ее отец всю жизнь искал сведения о своем отце, направлял запросы в различные инстанции. В 2009 г. по просьбе дочери он записал воспоминания об отце. В них сказано:

«11 декабря 1934 года я, как обычно, вышел гулять во двор, и вдруг мальчишки передо мной начали складывать пальцы решеткой и кричать «Арестант, арестант!». Я сначала, конечно, ничего не понял, пошел домой, там был обыск. Искали, в основном, рукописи. Мы с Эдиком, маленькие, еще ничего не понимали, бегали и кричали «рукописи, рукописи» и т. д. Еще здесь, в Ленинграде, после ареста мы были у него на свидании, ну тогда он был, конечно, еще бодрый, даже веселый, а нам с Эдиком сказал, что его кормят пшенной кашей. И потом, как я припоминаю, мама с Марусей¹, в слезах, что-то шили, собирали в дорогу. Тогда ему дали три года за «участие в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группе», ст. 58 п. 11, и отправили в г. Нерчинск, где были золотые прииски. Но туда он не доехал, а доехал до г. Мариинска, на пересылку. Нам объявили, что в Ленинграде, Москве, других больших городах мы не имеем права жить, вот вам 40 рублей на дорогу и до свидания. Мы решили ехать за ним в Мариинск, ну проживем три года и вернемся, уж как-нибудь. Поехали. Вместе с нами в Мариинск поехали еще две семьи. В Мариинске с отцом было свидание, самого свидания я уже не помню, помню, был какой-то большой двор, много разного народу, какие-то цыгане, мужики, женщины, все ждали свидания со своими заключенными родственниками. Мама все-таки дождалась, потом рассказывала, что вид у отца был ужасный. Даже уже в тюрьме, т. е. в Горной Шории он в письмах просил прислать ему книги по философии! Мама то и дело ходила в окошечко НКВД узнавать про отца. И вот в один прекрасный день в этом окошечке было произнесено: дело отца

¹ Маруся – сестра жены Эдуарда Фрицевича Ольги Владимировны, жила вместе с их семьей.

пересмотрено и после 3-х лет он получил еще 10 лет без права переписки».

После этого в 1938 г. семья переехала в Европейскую Россию, сначала в Кострому, затем с 1938 по 1956 гг. жила в Ельце, где в 1953 г. умерла Ольга Владимировна. После получения справки о реабилитации Э.Ф. Лепиня вернулись в Ленинград.

М.Л. Лепинь и ее родные стали предпринимать усилия по розыску новых фактов и документов об Эдуарде Фрицевиче. М.Л. Лепинь обратилась в ЦГИА СПб, в УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и в УФСБ по Магаданской области, работала с архивными делами, делала выписки. И здесь случилось «архивное чудо». В магаданском деле оказались те самые тюремные философские рукописи Лепиня, которые послужили основанием для его расстрела. Я по опыту знаю, что «архивные чудеса» в духе рассказов Ираклия Андроникова случаются. В декабре 2021 г. в подмосковном дачном доме, где в свое время жила вдова Я.Э. Стэна, ее внучка И.Е. Мясковская обнаружила сохранившуюся часть его архива, из которой я потом кое-что опубликовал [4]. Но чтобы научные рукописи нашлись в архивно-следственном деле... НКВД сохраняло на складах вплоть до реабилитации какие-то вещи арестованных, велся учет этих вещей, родственники могли даже их затребовать. Но изъятые рукописи уничтожались всегда. В них, конечно, искали какие-то подтверждения придуманному обвинению. Но потом все равно уничтожали. В делах они попадают в исключительных случаях. Например, в ГАРФ в деле бывшего ректора Киевского университета М.А. Кушнарера есть несколько его рукописей, которые он слал в прокуратуру с места поселения, приложив их к просьбам о реабилитации. Но все это относится к периоду уже после ареста и лагерного срока. Поэтому случай с рукописями Лепиня уникальный. Возможно, в колымском лагере не так четко действовали те правила, которые работали при аресте в столицах. Важно и то, что органам, раскрывшим дело философского кружка, эти рукописи понадобились не вообще для поиска компрометирующих фактов, а непосредственно для составления обвинения. Теперь же по запросу родственников Лепиня десять тетрадок с рукописями были им переданы как относящиеся к личным вещам реабилитированного.

Все рукописи, кроме первой, о которой пойдет речь ниже, датированы пребыванием в лагере: «Сиблаг, 1935 г.», «Горная Шория, ночью в бараке, 1935», «Темиртау, Горная Шория, 1936», «Колыма, Торопливый, 1936». Становится понятным, как он вообще их мог написать в лагерных условиях. Как образованный человек, он был направлен на работы в качестве регистратора в метеорологическую избушку от метеостанции, которая находилась в 9-м Ахпунском отделении Сиблага НКВД, поэтому получил доступ к перу и бумаге. В июле 1936 г. он был переведен на прииск Торопливый ОЛП ЮГПУ «Дальстроя» НКВД (стан Оротукан). В ноябре 1936 г. по своим рукописям Лепинь читал в бараке философские лекции заключенным, которые сговорились между собой, чтобы его слушать.

Подобное личное и научное мужество, преданность философии и выдающиеся способности, проявленные автором, и память потрясают. В лагере он продолжал жить для формулирования и сохранения философских идей, которые разделял. Это было для него главным, хотя было сопряжено с неудобствами, лишениями, опасностями и угрожало самой жизни. Трагический парадокс состоял в том, что эти же идеи провозглашались тем самым государством, которое его за них же и уничтожало. Поистине государство это «не соответствовало своему понятию».

Вот названия рукописей: «Система философии (в самом сжатом очерке)», «Проблемы философии в четырех частях: I. О предмете философии как науки, II. Об адекватности человеческого познания, III. Качество и количество, IV. К проблеме закономерности (преимущественно общественной)», «Некоторые вопросы теории познания», «К вопросу о методах научного познания», «Марксизм и ленинизм», «Новая физика (Проблема реальности в физике)», «Universum perpetuum mobile», «Perpetuum mobile и закон сохранения энергии», «К вопросу об электромагнитной теории теплоты», «Несколько тезисов о пространстве и времени». Также имеются собственно тезисы: «Целесообразность», «Закон природы», «О наглядности и ненаглядности в науке», «Насчет диалектики», «Заметки к “Теории относительности” Эддингтона», «Кант и “вещь в себе”», «Насчет движения движения», «Научный социализм (Преодоление утопических моментов классической марксистской теории социализма)», «О происхождении золота»,

«Социализм и рабство». Есть среди рукописей и «Диалоги», в которых участвуют «Философ», «Физик», «Химик», «Биолог», «Социолог» и «Философствующий». Диалоги распределены: «День первый» и т. д., как это, кстати, потом будет у Б.М. Кедрова в его «Неделе философских диалогов» (1985) между «Философом» и «Собеседником». Есть в тезисах Лепиня размышления и о советской лагерной системе. Отдельные места рукописей подчеркнуты синим карандашом: это следователь собирал материал для расстрельного приговора. В текст обвинительного заключения попали тезисы о том, что в СССР строится азиатский социализм, в котором используется дешевый лагерный труд, что установившийся в стране режим типологически подобен бонапартистскому режиму 1849 г.

Первая рукопись, которую мы публикуем, датирована автором 1 сентября 1934 г. с пометкой «5 экз. Срочно». Очевидно, Лепинь намеревался передать рукопись в машбюро вуза (ЛИИГВФ), где он руководил кафедрой философии. На титульном листе имеется карандашная пометка «Обнаружено при обыске 3 марта 1937 г.». Либо Лепинь сумел взять с собой рукопись при аресте и прятал ее – но это почти невероятно. Либо она была передана ему женой при свидании в Мариинске. За это объяснение говорит и тот факт, что в 1937 г. при обыске у него был найден экземпляр журнала «Под знаменем марксизма» и книга на немецком языке. Возможно, они были переданы ему тогда же, при свидании. В лагерных рукописях есть отклик на статью Л.А. Слепяна в «Под знаменем марксизма» (№ 6 за 1935 г.) и с любовью выписанные цитаты из «Фауста» по-немецки. В пометке следователя есть также примечание: «Введение для главы к работе “Натурфилософия немецкого классического идеализма и ее преодоление”». Очевидно, что следователь спрашивал Лепиня о происхождении этой единственной из рукописей, датированной долагерным периодом. Благодаря этому обстоятельству мы знаем о более обширном замысле Лепиня. Собственно, независимо от времени создания, данную рукопись также можно с полным правом назвать «тюремной», не только потому, что она была изъята у заключенного в лагере, но и потому, что этот заключенный читал по ней лекции по философии другим заключенным. Когда Лепиня посмертно реабилитировали, то даже запрашивали заключение по его философским рукописям от лектора Магаданского обкома КПСС, а в постановлении

суда о реабилитации было записано, что «чтение лекций по философии нельзя рассматривать как контрреволюционную деятельность», а «желание Лепиня выписать книги по философии нельзя расценивать как стремление в лагере продолжать борьбу с Коммунистической партией и Советским правительством». В сталинском Зазеркалье подобная судьба неизбежна для философа-марксиста.

Любопытно, какие именно места отметил синий карандаш следователя: о том, что натурфилософия Шеллинга и Гегеля была детищем буржуазной революции и победы капитализма; о том, что в XIX–XX вв. давление буржуазной идеологии оказалось сильнее материалистических интенций естествоиспытателей и привело их к неоюмизму; о том, что приход естествоиспытателя к сознательному диалектическому естествознанию достигается не путем создания в марксизме особого натурфилософского раздела (даже под названием «Диалектики природы»), а через разработку философии как науки о теоретическом мышлении; о том, что мысль Канта о неосознаваемых естественниками философских предпосылках их мышления была потом далее развита Энгельсом и Лениным; о том, что нелепо через сорок лет после смерти Энгельса создавать материалистическую натурфилософию. Нечего и говорить, что мысли философа подверглись превратному истолкованию в голове оротуканского следователя Бугрова. Но комментировать это подробнее нет необходимости.

В философской рукописи Лепиня совершенно четко и последовательно проводится деборинская линия на понимание философии (вослед Ленину) как диалектики, логики и теории познания и на диалектизацию наук. Здесь не место аргументировать сказанное цитатами из сочинений Деборина. Из строя мысли рукописи несомненно явствует, что Лепинь и в этот период был приверженцем идей деборинской школы. Критический пассаж в публикуемой рукописи в адрес «меньшевиствующего идеализма» поэтому следует понимать только как финтифлюшку, добавленную в текст потому, что автор писал его, надеясь на опубликование.

Научное мужество Лепиня, его верность своим философским идеям можно объяснить, приняв в расчет то, что мы о нем знаем. Поражает другое. Мы уже сказали, что в области философских вопросов физики он опередил свое время на тридцать лет. В отношении общеполитических

вопросов ситуация еще интереснее. Если читать публикуемый текст Лепиня, не зная времени и обстоятельств его создания, создается полное впечатление, что это философ-ильенковец отстаивает свои позиции в спорах с советскими позитивистами в где-нибудь в 1970-е годы [2]. Читатель сам в этом сможет убедиться¹. Конечно, сюда относится и оценка по достоинству гегелевской натурфилософии, свысока третируемой в самых разных философских лагерях. Следствием подобной ситуации стало, как известно, возвращение к Канту, а от него к Юму во втором позитивизме, в качестве философского «хорошего тона» навязываемое естественникам как на рубеже, так и в разгар кризиса физики. Но текст Лепиня прямо актуален и для понимания развития философии в последние несколько десятилетий. Главное – это его мысль о том, что путь развития наук состоит в их преобразовании по пути сознательной диалектизации, что не отменяет существования философии в статусе диалектики, логики и теории познания как науки о теоретическом мышлении. И мысль о том, что диалектизация наук не может означать создания особых философий наук, в которых под видом философии будет происходить бегство от нее. Замечание Лепиня метко бьет как в адрес советских позитивистов, конструировавших под эгидой Украинцева и К^о такие вот «философии отдельных наук» и занятых отыскиванием и разоблачением «измов» в естествознании, доведшим советскую философию до импотентности, так и в адрес внешне противоположного течения (Степин и др.) создававшего «философию науки» сначала как «бегство от идеологии», а в наше время все масштабнее: как экспансию плохо переваренного естествознания («синергетика», «универсальный эволюционизм», «трансдисциплинарность» и проч.) в сферу философии, поглощение философии реанимированной натурфилософией, находящейся на грани, а то и за гранью прямого мистицизма.

Когда я в 2009 г. опубликовал воспоминания А.М. Деборина, я назвал их «завещанием Мелье» нашего времени [1]. По этой аналогии рукописи Э.Ф. Лепиня можно назвать колымским «Городом Солнца».

¹ Считаю, что в целом в современной литературе много искажений в вопросе об отношении Ильенкова к идеям Деборина и его школы. Следует помнить факты: как свидетельствует В.А. Лекторский, Ильенков говорил ему о своих визитах к Деборину. После смерти Деборина Ильенков от Института философии АН СССР руководил комиссией по его творческому наследию. Отдельные теоретические сюжеты могут быть предметом дискуссии [6].

НАТУРФИЛОСОФИЯ И ДИАЛЕКТИКА ПРИРОДЫ (ТЕЗИСЫ)

*Отношение натурфилософии к сознательному
диалектическому естествознанию такое же, как и
отношение утопистов к современному коммунизму
Ф. Энгельс¹*

1

До Шеллинга и Гегеля натурфилософией называлась физика. Это, однако, не означало тождества физики и философии и не было также стремлением превратить физику в часть или ответвление философии, а было лишь выражением того, что физика нового времени зиждилась на совершенно иных философских принципах, чем физика средневековья, против схоластического аристотелизма которой и боролась новая физика. Как в древности, так и в новое время – до Ньютона включительно – физика была насквозь пропитана определенной (с значительным теологическим привеском) философией и не нуждалась ни в какой особой философии природы, которая возвышалась бы над физикой. Взаимосвязь и взаимодействие философии и физики (равно как и всего естествознания) осуществлялось непосредственно, и всякая посредничающая наука – натурфилософия – была лишней.

Когда (в настоящее время) говорят о натурфилософии древнегреческих мыслителей или натурфилософии, например, Бэкона, Декарта, Лейбница и Канта, то – понимая обычно под натурфилософией общее учение о принципах естествознания – произвольно расширяют понятие (натурфилософии), которое получило определенный философский смысл и значение впервые лишь у Шеллинга и Гегеля, а через них и в современной буржуазной философии и современном буржуазном естествознании, и приписывают дошеллинговской философии то, что свойственно лишь высшей ступени развития классического немецкого идеализма (предпосылки или тенденцию к натурфилософии, но еще не систему натурфилософии мы находим у Канта в его «Метафизических началах естествознания» и «Переходе от метафизических начал естествознания к физике»).

2

Натурфилософия как специальная философская наука, впервые была создана Шеллингом и завершена Гегелем. Она была детищем буржуазной революции того этапа, когда решительные выступления французской буржуазии создали уверенность в окончательной победе капитализма над феодализмом, но когда в то же время – в процессе расширения и углубления буржуазной революции – явно вырисовывалась революционная фигура пролетариата, не ограничивающаяся задачами буржуазной революции.

Классовое сознание буржуазии, выраженное в ее философии и носившее на себе еще отпечаток некоторой нерешительности и двойственности по отношению к феодальной идеологии (материализм «внизу», идеализм «вверху»), стремится приобрести свою специфически монистическую определенность, мастерски выраженную Гегелем в абсолютном самосознании «себя знающего разума» или абсолютного духа. Натурфилософия Шеллинга и Гегеля была закономерным и

¹ Лепинь цитирует «Анти-Дюринг» по первому советскому изданию Сочинений Маркса и Энгельса [7, с. 10]. Во втором издании это место переведено так: «Натурфилософы находятся в таком же отношении к сознательно-диалектическому естествознанию, в каком утописты находятся к современному коммунизму» [8, с. 12].

абсолютно необходимым следствием буржуазного стремления установить идеализм также «внизу». Все дальнейшее развитие натурфилософии является защитой этого основного стремления, определяющего буржуазный характер самой натурфилософии.

3

Несмотря на то, что непосредственное влияние шеллинговской натурфилософии почти не выходило за пределы Германии, натурфилософия классического немецкого идеализма была специфическим выражением общей (интернациональной) тенденции буржуазной идеологии покончить со всякими материалистическими тенденциями в естествознании. Натурфилософия Шеллинга и Гегеля была предельно высшим, логически завершенным этапом развития этой буржуазной тенденции. Но как логически завершенная система идеалистической философии (у Гегеля) была по существу поставленным на голову материализмом, так и натурфилософия классического немецкого идеализма была не чем иным, как поставленным на голову естествознанием. Подчиняясь влиянию буржуазной идеологической реакции, испугавшейся логически доведенного до конца диалектического идеализма, большинство естествоиспытателей равнодушно прошли мимо шеллинговской (и гегелевской) натурфилософии, не заметив в ней за идеалистической и мистической оболочкой объективно-научного значения, а те, кто испытали ее влияние, просыпались – по их словам – от этого влияния, как от кошмарного сна. Давление буржуазной идеологической реакции оказалось сильнее свободного естественнонаучного творчества, и естествоиспытатели, вместо того чтобы через революционное преодоление натурфилософии классического немецкого идеализма пробраться к действительно свободному от идеализма и поповщины сознательно диалектическому научному творчеству, предпочли возвратиться назад к Канту, Юму и Беркли, к этим признанным философской реакцией столпам буржуазной идеологии XIX века.

4

Философская реакция дискредитировала шеллинговскую (и гегелевскую) натурфилософию настолько, что натурфилософов встали изображать как дилетантов в естествознании в лучшем случае, а общая их характеристика сводилась к шопенгауэровскому афоризму: «Как пифагорейцы были шутами в математике, так натурфилософы были шутами в естествознании». Недружелюбное отношение к натурфилософии вскоре переродилось в такое же отношение естествоиспытателей к философии вообще: «Физические измерения привели к абсурду философские понятия, и поэтому физик, нанимавший до сих пор квартиру у философа, должен строить свой собственный дом» (Ф. Ауэрбах). В естествознании широко распространялся лозунг: наука (и прежде всего физика) сама себе философия. Это провозглашение независимости естествознания от философии, справедливо оцениваемое естествоиспытателями, как победа естествознания над натурфилософией, было по существу победой стихийного материализма естествознания над идеализмом. Брешь, которая образовалась между философией и естествознанием, начиная с 30-х годов XIX века и продолжаясь до начала XX века, есть выражение противоречий между сознательной проводимым буржуазной идеалистической философией влиянием на естествознание, с одной стороны, и стихийным материализмом самого естествознания, с другой. Установленный было натурфилософией классического немецкого идеализма и устанавливаемый всевозможными «опровергателями» материализма идеализм «внизу» резко пошатнулся. Но это осталось незамеченным до тех пор, пока противоречия капитализма не привели последний к своему высшему этапу, и пока загнивание

капитализма не обнаружило противоречие между ограниченностью буржуазной философской мысли и объективными тенденциями развития естественных наук и физики, в первую очередь. До этого времени была основательно забыта и натурфилософия как специальная философская наука.

5

О натурфилософии пришлось вспомнить опять тогда, когда (конец XIX и начало XX века) загнивающий капитализм обусловил первые проявления кризиса отдельных понятий физики, превратившегося затем в перманентный кризис всей физики как науки. Подобно тому, как когда-то естествоиспытатели испытывали страх и ужас при пробуждении от опьянения шеллинговской натурфилософией (например, Либих), так теперь буржуазные естествоиспытатели и философы с ужасом заметили, что на место отвергнутой натурфилософии стихийно пробивались ненавистные им материализм и диалектика и при этом не в качестве внешнего «надстроечного» придатка к естествознанию, а в качестве существенной формы его развития. И философы, и естествоиспытатели опять заговорили о натурфилософии, ибо стало ясно, что все предыдущее «опровергание» материализма совершалось, по существу, только «вверху», в сфере «чистой» философии, в то время как естествознание стихийно делало свое материалистическое дело. Идеологическое руководство буржуазии теперь стало перед необходимостью обращать преимущественное внимание на защиту и восстановление идеализма внизу, а не на защиту идеализма вверху (Ленин). Натурфилософия как форма установления идеализма «внизу» возникла в процессе установления буржуазного политического господства. К натурфилософии буржуазные идеологи вынуждены прибегать к концу господства буржуазии как к форме ликвидации бреши между естествознанием и идеалистической философией, как к форме восстановления безраздельного идеалистического влияния над естествознанием. Натурфилософия, как специальная философская наука, есть одна из форм буржуазной реакции против материализма.

6

Возврат к натурфилософии не означает, однако, восстановления натурфилософии Шеллинга и Гегеля, последовательно научное (освобожденное от мистической оболочки) развитие которой с необходимостью ведет к отрицанию натурфилософии как философской науки, стоящей над прочими науками о природе, и к созданию сознательного диалектико-материалистического естествознания.

Взоры философов и естествоиспытателей направляются (руководящими кругами идеологов) к Канту как центральной фигуре среди различных юмистских, позитивистских и неопозитивистских, реалистических и неореалистических школ и школок, находящихся без сомнения под большим или меньшим влиянием кенигсбергского философа. Широкое и глубокое влияние Канта на буржуазное естествознание объясняется его социальным значением как идеолога восходящей буржуазии, создавшего своей философией уверенность в силе естественнонаучного познания в противоположность предшествующему скептицизму.

Восстановление натурфилософии идет в основном под лозунгом: ближе к Канту, ибо даже по признанию наиболее видных махистов «философское дело Канта глубоко коренится в естественнонаучном образе мышления и видит в нем с самоочевидностью основные формы всякого познания» (Ганс Рейхенбах). Современные буржуазные натурфилософские работы (как со стороны философов, так и со стороны идеалистически настроенных естествоиспытателей) отличаются от шеллинговской и гегелевской натурфилософии – от которой современные натурфилософы решительно отмежевываются – тем, что не покушаясь на

самостоятельность естествознания, они на основе новейших достижений естествознания разрабатывают основные принципы естественнонаучного познания, одновременно используя свои натурфилософские достижения для «обоснования» идеалистической философии и ее теории познания в целом. При этом натурфилософия выступает или как часть логики и теории познания или даже как философская часть естествознания или чистое (в кантовском смысле) естествознание; только наиболее радикальные позитивисты выступают против всякой натурфилософии, подчеркивая, что она растворена во всей системе естествознания. В борьбе со стихийным материализмом естествознания буржуазные философы и сознательно философствующие естествоиспытатели мобилизуют новейшие достижения естествознания (отсюда и возрождение натурфилософии) для «обоснования и углубления» идеализма.

7

Натурфилософия Шеллинга и Гегеля – поскольку она была поставленным на голову естествознанием – не могла справиться с совершенно правильно поставленной задачей: «заставить естествознание само философски развиваться» (Шеллинг) и привела к невозможной, а поэтому неудавшейся попытке заменить естествознание натурфилософией, то есть превратить его (естествознание) в отрасль идеалистической философии. Материалистическое преодоление натурфилософии классического немецкого идеализма (и натурфилософии вообще) заключается в том, чтобы утопическую задачу пропитания естествознания диалектикой «сверху» заменить строго научным овладением диалектикой самой природы и таким путем прийти к сознательному диалектическому естествознанию. Это достигается не путем создания отдельных натурфилософских систем и даже не путем образования внутри самой философии особого отдела, изучающего основные принципы естественнонаучного познания (хотя бы под названием «Диалектики природы»), а путем глубокой непрерывающейся разработки всех проблем философии, как науки о нашем теоретическом мышлении, чтобы таким образом превратить философию в подлинно конкретное и действенное руководство научного овладения диалектикой природы. Добиться, чтобы естествоиспытатели отказались от руководства «скверных и модных философов» буржуазии и чтобы они руководствовались «разновидностью теоретического мышления, основывающейся на знакомстве с историей мышления и его завоеваний» (Энгельс)¹ можно только тогда, когда – по-своему основательно разработанной – философии буржуазии будет противопоставлена – с допускаемой современным состоянием естественных и социальных наук полностью – разработанная философия диалектического материализма.

Наша задача заключается в конкретном развитии ленинского этапа в философии, заключающемся в том, чтобы на основе логики (с малой буквы), оставленной нам в работах основоположников марксизма-ленинизма создать и непрестанно совершенствовать на современном естествознании и социальной практике Логик (с большой буквы) и таким образом выполнить на деле философское завещание Ленина.

Надо признать, что некоторая поверхностность в этом кровном деле философов материалистов-диалектиков создает у естествоиспытателей впечатление или совершенного отсутствия какой бы то ни было философии у социалистического пролетариата, или же впечатление мало обоснованного догматизма.

8

¹ Лепинь цитирует Энгельса по изданию 1934 г. [9, с. 107].

Энгельс работал над диалектикой природы не для того чтобы противопоставить натурфилософии «Диалектику природы» как ответвление или часть философии (своего рода «материалистическую натурфилософию»), а для того, чтобы доказать, что «тем, что естествознание усвоит себе результаты, достигнутые развитием философии в течение двух с половиною тысяч лет, оно освободится от всякой обособленной, вне и над ним стоящей натурфилософии» («Анти-Дюринг»)¹. Сознательное диалектическое естествознание состоит в компетентном разрешении всех проблем естествознания на основе принципов диалектического материализма и осуществления метода его в естественнонаучном исследовании так, чтобы заставить естествознание само развиваться диалектически, а не в том, что естествознание превращают в сумму примеров для диалектического материализма или пристраивают к естествознанию диалектику чисто внешним образом, как это, к сожалению, нередко случается с философами, трактующими о естествознании, а чаще всего с проникшимися уважением к диалектике и материализму – но не усвоившими ни того, ни другого – естествоиспытателями.

Путь к сознательному диалектическому естествознанию лежит только через правильно понятое соотношение между естественными науками и философией диалектического материализма (исключающей всякую посредничающую между философией и естествознанием натурфилософию). Специалист-философ – пренебрежительное отношение к такому виду специальности у нас обусловлено недостаточным пониманием роли и значения философии, как самостоятельной науки в ряду остальных наук, и является отражением в нашей среде буржуазной афилософичности науки, через которую легко проникают к нам влияния буржуазной философии – специалист-философ должен быть хорошо грамотным (но не обязательно специалистом) в естественнонаучном отношении, а специалист той или иной области естествознания должен быть хорошо грамотным (но не специалистом) в философском отношении. Но для того, чтобы это имело место, необходимо, чтобы стремление «пропитать» естествознание диалектикой не превратилось в растворение философии в естествознании и общественных науках и не привело бы к отрицанию философии как науки о нашем теоретическом мышлении – диалектической логики (конкретное единство диалектики, логики, теории познания), самостоятельное научное значение которой не уничтожается и тогда, когда вся наука становится сознательно диалектической.

9

Современные буржуазные философы начинают обижаться, что натурфилософские проблемы обсуждаются преимущественно в связи с именами выдающихся современных физиков и лишь вскользь и «постольку поскольку» затрагивают имена Канта и других вождей буржуазной философской мысли. То, что именно физика и ее проблемы заняли центральное место в возрождаемой натурфилософии, не является неожиданным для материалиста-диалектика, ибо в физике наиболее ярко обнаруживаются противоречия между ограниченностью сознательно навязываемого ей идеалистического механицизма и стихийно и настойчиво пробивающимися в естествознании материализмом и диалектикой, навязываемыми материальностью и диалектичностью самой природы. Можно сказать, что физика была не только непосредственной причиной возрождения

¹ См.: [7, с. 12]. Во втором советском издании Сочинений Маркса и Энгельса эта фраза переведена так: «Когда естествознание научится усваивать результаты, достигнутые развитием философии в течение двух с половиною тысячелетий, оно именно благодаря этому избавится от всякой обособленной, вне его и над ним стоящей натурфилософии» [8, с. 14].

современной натурфилософии, но что она сама претендует на роль теоретического вождя по отношению ко всему естествознанию, то есть сама стремится стать как бы натурфилософией, желая оправдать сохранившийся в Англии еще со времен Ньютона для нее термин *natural philosophy*. Такую как бы натурфилософскую роль физика играла на заре капиталистического развития – в эпоху Возрождения и затем в век Просвещения. Формирование буржуазного (материалистического и идеалистического) механистического мировоззрения, с которым буржуазия выступала против римско-католической (папской) духовной диктатуры в весьма значительной степени обязано той ступени развития механики, когда последняя переросла уже самое себя (благодаря развивающейся энергетике в технике) и подготавливала почву для последующего образования физики как специфической науки – механики молекулярного движения. «Натурфилософская» роль физики тогда кончилась с установлением, как в философии, так и в естествознании, механического мировоззрения (XVIII века), которое стало господствующим среди самих физиков в течение всего XIX века.

Идеалистическую диалектику Шеллинга и Гегеля буржуазия отвергла и предпочла возвратиться к Канту, а против диалектического материализма Маркса и Энгельса была поднята такая бешеная травля, что естествоиспытатели боялись его, как ереси, чреватой для их карьеры большими неприятностями. В настоящее время, когда роковой кризис капитализма наиболее ярко обнаружил также и противоречия между сознательно проводимым идеализмом и стихийным материализмом в физике, противоречия, которые не столь были заметными в период до загнивания капитализма, физика опять начинает играть как бы натурфилософскую роль и ставит перед физиками вопрос о необходимости пересмотра основных установок своей науки, причем всеми сознается, что этот пересмотр необходимо должен повлечь за собою коренной переворот в естественнонаучном мышлении вообще (сравните, например, попытки квантовой физики «внедряться» в биологию и психологию); и каждый, исходя из тех философских воззрений, которые им управляют, мыслит этот переворот по-своему. То, что переворот необходим, и что он в естествознании должен начаться с физики, это понимает каждый, но для буржуазных естествоиспытателей остается непостижимой тайной, что натурфилософская роль современной физики заключается в том, чтобы содействовать нанесению сокрушительного удара буржуазному идеализму и поповщине точно так же, как физика XVII–XVIII веков содействовала нанесению решительного удара теологическому духовному господству.

10

Когда Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» говорит, что современная физика «идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагом, не сознательно, а стихийно...», что «современная физика лежит в родах» и что «она рождает диалектический материализм», то он со всей свойственной ему убедительностью и настойчивостью доказывает, что стихийно-материалистический характер физики неизбежно должен привести к сознательной диалектической физике и сознательному диалектическому естествознанию вообще, и что единственно верная философия естествознания есть само естествознание, впитавшее в себя диалектику и материализм не как чисто внешнее, а как существенную форму отражения объективной диалектики природы. Но Ленин никогда не советовал плестись в хвосте стихийности, а вести борьбу за сознательное участие как непосредственно в политической, так и в идеологической борьбе. Подчеркивая, что «без солидного философского обоснования никакие

естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания» («О значении воинствующего материализма»), Ленин, однако, не призывает к созданию обособленной и стоящей над естествознанием натурфилософии, а настойчиво предлагает серьезно и углубленно работать над развитием материалистической диалектики как философской науки, над созданием и развитием Логики (с большой буквы), которая, опираясь на высшие достижения естественно-исторических (а также общественно-исторических) наук, могла бы осветить путь научного исследования каждой отдельной науки, и которая была бы подлинно действенным оружием в руках естествоиспытателя для активной борьбы за сознательное диалектическое естествознание и для ограничения натиска на него (естествознание) идеализма и поповщины. И несомненно, что выполнение этого завета Ленина зависит прежде всего от марксиста-ленинца философа, который обязан инициативу в борьбе за сознательное диалектическое естествознание взять в свои руки и в союзе с идущими к материализму и диалектике естествоиспытателями (конечно, руководя ими) не только обороняться, но и пойти в наступление на естественнонаучном фронте.

11

Надо признать, что до сих пор мы весьма воинственно вскрывали и показывали идеализм и поповщину в выступлениях видных современных физиков и так вошли во вкус этой работы, что отыскивание и разоблачение «измов» в современном естествознании (и опять-таки, в физике, главным образом) стало как бы специальностью многих наших философов, наперебой старающимися за первенство в открытии и разоблачении новейшего «изма» в новейшем выступлении того или другого видного представителя буржуазной науки. Кроме того, надо признать, что сражаясь подобным образом с буржуазной физикой, мы не нанесли ей существенного удара, и буржуазные физики не обращают внимания на наши воинственные выступления, ибо мы до сих пор ограничивались только разоблачениями и кроме цитат и заявлений, что «с точки зрения диалектического материализма» то или это «не выдерживает критики» или «не так», не противопоставляли буржуазной физике (и всему естествознанию) своего положительного разрешения вопроса. Надо признать еще и большее: Ленин писал, что если мы не будем систематически развивать материалистическую диалектику, то мы будем не столько сражающимися, сколько сражаемыми, и вот в области физики это последнее и сбывается, ибо по ряду вопросов современной революции в естествознании некоторые философы «сбиваются» и подпадают под влияние буржуазной натурфилософии, главным образом, по вопросам материи и энергии и по вопросам закономерности. Надо признать и то, что нашу помощь и руководящую роль не чувствуют и те физики и естествоиспытатели, которые склоняются к материализму, ибо при серьезном методологическом руководстве естествоиспытателями не было бы неумелых реверансов по адресу диалектического материализма со стороны многих естествоиспытателей и не «висела бы в воздухе» такая проблема как физическое действие на расстоянии и связанные с нею другие основные вопросы современной физики¹. Надо, наконец, еще признать, что все эти отрицательные стороны являются

¹ Имеется в виду дискуссия о существовании эфира, которую физикам и философам навязывал в 1920-е – 1930-е гг. академик В.Ф. Миткевич. В 1929–1930 гг. в Ленинградском политехническом институте состоялось несколько публичных диспутов на эту тему. Со стороны философов в дискуссии участвовали Б.М. Гессен, М.Л. Ширвиндт, Ю.П. Шейн, Т.Н. Горнштейн, которые с позиций деборинской школы отвергали механистические построения Миткевича и защищали современную

следствием некоторой недооценки философии диалектического материализма как Логики и Теории познания и переоценки специализации философов не в области философии, а в области физики или биологии или истории или эстетики и т. д. От такой специализации (= бегству от философии) безусловно, проигрывает философия диалектического материализма и выигрывает позитивизм (махистский, богдановский и пр.), ибо предмет философии диалектического материализма как самостоятельной науки ускользает из рук такого специалиста, и, вместе с этим, фактически ликвидируется сама философия диалектического материализма, создается опасность, – а в отдельных случаях она уже реальна – проникновения чуждых влияний на некоторых, искренне сражающихся (но иногда сражаемых) за диалектический материализм.

12

Конечно, преодоление натурфилософии как формы буржуазной реакции против материализма невысказано без основательного знакомства с современным естествознанием и без основательного знакомства с историей естествознания. Но философ должен быть специалистом-философом, прежде всего и именно философом, разрабатывающим основные философские проблемы, определяемые конкретным единством диалектики, логики и теории познания. Если же мы будем создавать специально философов-физиков, философов-историков, философов-биологов и т. п., то в результате превратим этих людей в дилетантов, или же они сами, почувствовав шаткость своего научного положения, уйдут в физику, химию, биологию и т. д. Но тогда проиграет философия, а вместе с нею и диалектико-материалистическая сознательность естествознания, ибо без философских выводов и постоянного философского руководства естествознанию не обойтись никогда, даже тогда, когда оно впитает в себя диалектику и когда, по выражению Энгельса, весь философский хлам станет лишним и растворится в положительном знании. Философия диалектического материализма как наука о нашем теоретическом мышлении (диалектика, логика, теория познания) и тогда будет играть руководящую роль в научном исследовании каждой отдельной науки и совершенствовать методы научного познания на основе достижений современной ей науки и социальной практики. «Все натурфилософы (т. е. естествоиспытатели – Э.Л.) – говорит Кант в «*Метафизических началах естествознания*», – которые в своей деятельности хотели бы воспользоваться математикой, всегда (хотя бы и неосознанно) пользовались бы и должны были бы пользоваться метафизическими принципами, если они даже торжественно выступили бы против всякой претензии со стороны метафизики на их науку»¹. Это мысль Канта более чётко и более последовательно развита Энгельсом и Лениным в их доказательствах, что естествоиспытателю без философии не обойтись. Но здесь надо отдать справедливость Канту, что он ясно понимал взаимоотношения философии и естествознания и хотел непосредственно связать последнее со своей философией, но противоречие идеализма и стихийного материализма естествознания естественно склоняло его к утопической по существу философии, которая у Шеллинга и Гегеля и явилась (была создана) как неизбежное следствие развития классического немецкого идеализма. Утопичность натурфилософии классического немецкого идеализма была

физику. Тех же позиций придерживался и Э.Ф. Лепинь. Вероятно, он мог присутствовать на этих диспутах.

¹ В шестом томе Сочинений Канта (1966 г.) это место переведено так: «Все натурфилософы, которые хотели применять математический метод при решении своих задач, всегда пользовались (хотя и бессознательно) и должны были пользоваться метафизическими принципами, несмотря на то, что вообще-то они торжественно оберегали свою науку от посягательств метафизики» [3, с. 61].

преодолена тем, что сама философия была поставлена на реальную почву, и этим было основное противоречие между философией и естествознанием снято. В философии диалектического материализма натурфилософия стала лишней.

Несмотря, однако, на то, что преодоление натурфилософии делает излишней всякую (и материалистическую) натурфилософию, мы очень часто встречаемся с тенденцией противопоставить современной буржуазной натурфилософии «Диалектику природы» как систему диалектико-материалистических принципов естествознания. Такая тенденция не соответствует той задаче, которую поставил перед собой Энгельс, когда он стал работать над «Диалектикой природы». И если к 40-летию со дня смерти Энгельса (1935 год) кто-нибудь вздумал бы отметить эту дату написанием очерка или монографии или докладом о «Диалектике природы» как диалектико-материалистической натурфилософии, то он этим доказал бы, что он еще не освободился от того буржуазно-идеалистического влияния, которое так ярко выступало у меньшевистствующих идеалистов (особенно у Деборина) с разделением философии диалектического материализма на три части: общее учение о диалектике, диалектика природы, диалектика истории. Всякая попытка создать – хотя бы в пределах самой философии – специальные отделы (диалектика природы, диалектика общества), естественно, превратится в утопическую тенденцию заменить философией соответствующие науки и приведет к ликвидации философии, ибо чистая философия тогда окажется оторванной от науки и поэтому ненужной. Единственно правильной задачей в деле работы над диалектикой природы является использование результатов всей работы Энгельса над диалектикой природы, всех указаний Ленина о задачах марксистов в области естествознания, равно как и критически преодоленных достижений современного естествознания для разработки основных проблем философии диалектического материализма. При этом, конечно, широко использовать также богатейший материал истории, общественного развития, классовой борьбы и особенно теории и практики социалистического строительства. Тогда в наших философских выводах – даже по таким проблемам как материя и движение, пространство и время, закономерность и т. п. – сможет найти для себя руководящие методологические указания не только естествоиспытатель, но и социолог, и особая диалектика природы, и особая диалектика общества становятся лишними.

Показать – на основе истории развития натурфилософии от Канта, Шеллинга и Гегеля до наших дней – историческую необходимость ее возникновения и столь же исторически обусловленное ее преодоление в философии диалектического материализма и дать разработку некоторых основных философских категорий в указанном выше смысле, составляет предмет дальнейших сообщений. Соответственно поставленной цели вся работа состоит из следующих трех разделов: I. Предпосылки натурфилософии классического немецкого идеализма (философия и естествознание XV–XVII веков). II. Натурфилософия классического немецкого идеализма (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель и современное им естествознание). III. Преодоление натурфилософии (современная буржуазная натурфилософия, диалектика природы, Логика).

Э.Ф. Ленин

Список литературы

1. Воспоминания академика А. М. Деборина / Публикация С. Н. Корсакова // Вопросы философии. – 2009. – № 2. – С. 113-133.

2. Ильенков, Э. В. Письмо Ю. А. Жданову / Э. В. Ильенков // Э. В. Ильенков: личность и творчество. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – С. 258-261.
3. Кант, И. Сочинения / И. Кант. – Москва : Мысль, 1966. – Т. 6. – 742 с.
4. Корсаков, С. Н. Жизнь Яна Стэна по документам из партийных, академических и семейных архивов / С. Н. Корсаков // Философические письма. – 2022. – № 2. – С. 199-233.
5. Корсаков, С. Н. Страничка из истории философских проблем физики в СССР: Эдуард Фрицевич Лепинь (1893–1937) / С. Н. Корсаков // Философия науки и техники. – 2019. – № 1. – С. 76-89.
6. Корсаков, С. Н. Рецензия / С. Н. Корсаков // Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955) / авт.-сост. Е. Э. Иллеш. – Москва : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2016. – 272 с. // Человек. – 2016. – № 6. – С. 173-177.
7. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва ; Ленинград, 1931. – Т. 14. – 700 с.
8. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Москва, 1961. – Т. 20. – 828 с.
9. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. – Москва : Партиздат, 1934. – 304 с.

PRISON MANUSCRIPT ABOUT NATURAL PHILOSOPHY BY E.F. LEPIN, A DEBORIN FOLLOWER

S.N. Korsakov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow
e-mail: snkorsakov@yandex.ru

A unique archival find is published – the manuscript of the Soviet philosopher Eduard Fritsevich Lepin shot in 1937. It is found in the documents of the Federal Security Service Office in the Magadan Region by his granddaughter Marina Leonardovna. E.F. Lepin belonged to the philosophical school of Academician Deborin. The manuscript speaks of a modern approach to the problem of natural philosophy. The idea of the need for a conscious dialectization of natural science and the transformation of the entire system of sciences on this basis is being carried out. The role of philosophy as a theory of scientific thinking is emphasised.

Keywords: Soviet Philosophy, Deborin,s school, Stalinist repressions, E.F. Lepin, E.V. Ilyenkov.
